

Уоррен XIII

И

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

НАПИСАЛА

ТАНЯ ДЕЛЬ РИО

НАРИСОВАЛ

УИЛЛ СТЕЙЛИ

Уоррен XIII

Таня дель Рио

Уоррен XIII и Всевидящее Око

«Розовый жираф»

2015

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7Сое)-44

дель Рио Т.

Уоррен XIII и Всевидящее Око / Т. дель Рио — «Розовый жираф», 2015 — (Уоррен XIII)

ISBN 978-5-4370-0277-3

Знакомьтесь — Уоррен XIII. Он единственный посыльный, садовник, официант и портье в старинном отеле, которым много поколений владеет семья Уорренов. И где-то здесь, в этом таинственном и мрачном поместье, среди кривых коридоров, полных пугающих загадок, хранится волшебное сокровище — Всевидящее Око. Но чтобы найти спрятанное сокровище, Уоррену сперва придется разгадать несколько тайн: Что за странное существо обитает в бойлерной отеля? Кто эта девочка-призрак, мелькающая на тропинках заброшенного лабиринта? И почему единственный постоялец отеля прячет свое лицо под бинтами? «Уоррен XIII и Всевидящее Око» — это книга, полная тайн, секретных кодов, невероятных изобретений и изысканных иллюстраций. Она поразит и очарует читателей всех возрастов.

УДК 821.111(73)-93

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-4370-0277-3

© дель Рио Т., 2015
© Розовый жираф, 2015

Содержание

Глава I,	9
Глава II,	23
Глава III,	33
Глава IV,	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Таня дель Рио

Уоррен XIII и Всевидящее Око

Copyright © 2015 by Will Staehle & Tania del Rio.

Designed by Will Staehle.

Illustrationf by Will Staehle.

Engravingf collected by Unufual Corporation and from Shutterstock.com.

Warren the 13th if a © and a trademark of Unufual Corporation.

All rightf referved.

Firft pubifhed in Englifh by Quirk Bookf, Philadelphia, Pennfylvania.

© Л. Сумм, перевод, 2019

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2019

* * *

Создатель Уоррена XIII – Уилл Стейли

Уоррен XIII

и Всевидящее Око

Написала
ТАНЯ ДЕЛЬ РИО

Нарисовал
УИЛЛ СТЕЙЛИ

Нашим родителям

Глава I, в которой появляется таинственный гость

УОРРЕН XIII пробирался на цыпочках по крыше отеля «Уоррен», и старые черепицы грохотали, словно кости. Пронзительный осенний ветер дул в спину, грозил сбить с ног, но Уоррен упорно шел дальше. Меньше всего он беспокоился о том, как бы не свалиться с высоты восьмизэтажного здания. Трубу необходимо почистить.

Вброны грозно скрежетали изнутри дымовой шахты, но Уоррен все равно заглянул в нее. Как обычно, труба забита газетами, обрывками ткани, ветками и всяким мусором. Шесть черных птиц, жавшихся друг к другу в этом подобии гнезда, уставились на пришельца.

– Кыш отсюда! – крикнул Уоррен.

Вброны даже не моргнули.

– Вон сколько отличных деревьев вокруг. Скышните!

Но вброны и слушать не желали никакого «кыш». Они, похоже, притворялись, будто Уоррен – невидимка.

– Не хотите по-хорошему, придется по-плохому, – вздохнул он.

Десятки раз он выполнял эту работу. По меньшей мере раз в месяц, а то и два раза Уоррен забирался на крышу и вычищал из трубы гнездо, не дожидаясь, пока вся гостиница прокоптится. Но в то утро вброны оказались особенно упорными. Приближалась зима, им хотелось уютно устроиться и переждать холода.

– А если я водой вас полью? – намекнул Уоррен. – Как вам это понравится?

Птички знали, что он блефует. Один ворон щелкнул клювом, но остальные так и продолжали дремать. Уоррен отполз к гребню крыши, где скособочился сломанный флюгер. Отвинтил заостренный металлический флагшток и ткнул им внутрь трубы.

– Я вас силой выгоню, раз вы так! – заявил он решительно. – Убирайтесь отсюда, а не то!

Вброны даже перышком не шелохнули. Они знали: Уоррен – добрый, и лупить птицу старым флюгером не станет.

У мальчика в запасе оставался единственный довод.

– Если сейчас же не улетите, – сказал он, изо всех сил демонстрируя непреклонность и беспощадность, – я схожу за тетей Аннакондой, и придется вам иметь дело с ней.

Вброны вылетели из трубы, каркая, роняя перья: так спешили подняться повыше в небо. В отеле и поблизости они жили достаточно долго, чтобы присмотреться к Аннаконде: никто – даже ворон – не решился бы испытывать ее терпение.

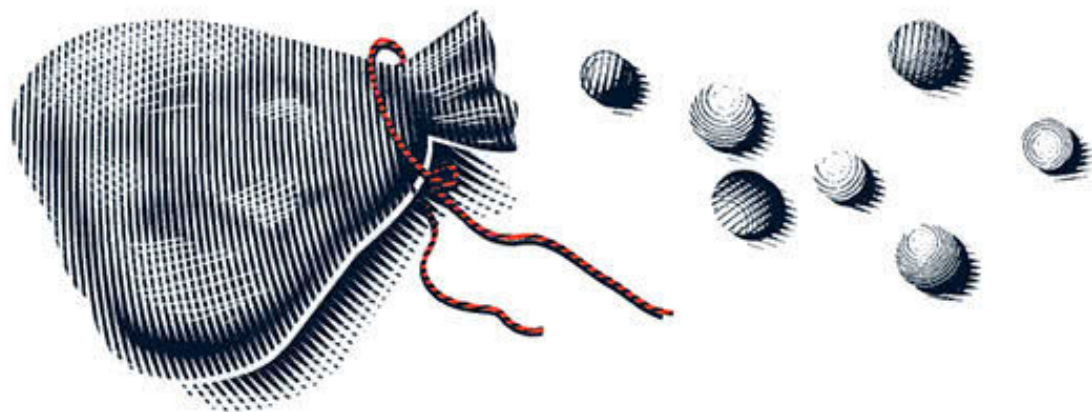
Уоррен смотрел им вслед, пока птицы не превратились в черные кляксы на фоне бледного предраассветного неба. Неприятно запугивать птиц, но другого выхода они ему не оставили. Потом Уоррен оглядел со своей наблюдательной вышки окрестности. Смотреть особо не на что.

Отель «Уоррен» был единственным зданием на много миль вокруг: мрачно торчал на холме посреди тусклой серой местности, окруженный лесом из таких же тусклых, обглоданных непогодой деревьев. Можно отшагать несколько часов в любом направлении – ничего интересного не встретишь.

Но Уоррен не всматривался в этот угнетающий пейзаж, его взгляд устремлялся за границы, за горизонт, туда, где весь прочий мир. Воображению представлялись города и джунгли, морские порты и пустыни, все те места, о которых он знал только из книг. Все те места, где он мечтал бы побывать... вот только ему двенадцать лет, и он – наследник семейного отеля и трудится тут единственным портье, подручным, гоняльщиком ворон, коридорным и посыльным. Всю жизнь Уоррен Тринадцатый провел в отеле, как и его отец и еще одиннадцать Уорренов до того.

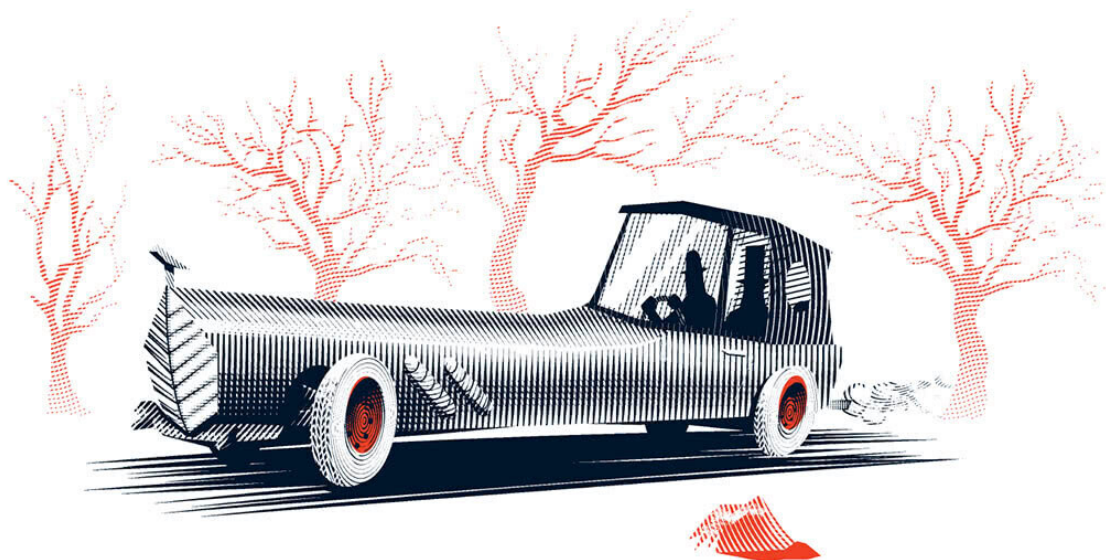
Со вздохом он вернулся к унылой работенке: чистить трубу. Скоро ладони его почернели от сажи. Уоррен извлек десятки сучьев и пригоршню более неожиданных и странных предметов: дамскую кружевную шляпку, ржавую пилочку для ногтей, форму для выпечки и даже мешочек с мраморными шариками – свой собственный.

Как воробы ухитрились стащить мешок с шариками из ящика стола у него на чердаке? Уоррен ломал себе голову над этой загадкой, но тут его внимание привлек низкий рокочущий звук.

Уоррен взгляделся в утренний туман и был изумлен: в лесу он заметил какое-то движение. Нечто длинное, темное, полускрытое завесой растопыренных веток, продвигалось меж деревьев в сторону отеля. В соседних лесах хватало медведей и диких кабанов, но это нечто казалось крупнее любого зверя. Оно рыкнуло снова, и сердце подпрыгнуло в груди Уоррена. Это было не животное.

Это был автомобиль!

Уоррен не видал автомобиля с тех пор, как последний гость покинул отель, твердя, что ноги его здесь вовеки не будет. Пять долгих лет миновало без единого постояльца. Широко раскрытыми глазами Уоррен следил за тем, как автомобиль карабкается на холм. Наконец-то к ним кто-то приехал!

Машина въехала в железные – когда-то величественные – ворота и затормозила перед парадным входом отеля. Только тут Уоррен спохватился: это же его обязанность – встретить гостей, помочь с вещами.

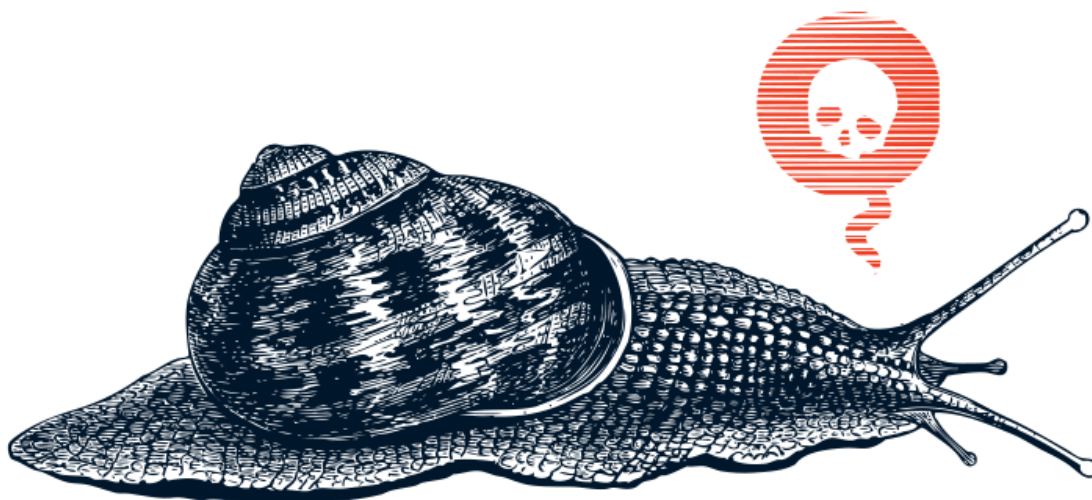
Когда Уоррен был маленьким, все было иначе. В ту пору номера в отеле бронировали на много месяцев вперед. Великолепные автомобили день и ночь подъезжали к парадному входу, гости являлись нарядными – мужчины во фраках и цилиндрах, дамы в изысканных платьях, с драгоценностями. Дюжина коридорных в накрахмаленной униформе приветствовали каждого гостя, багаж сгружали на отполированные до блеска медные тележки, а официанты уже спешили принести пирожные и лимонад. В те времена в отеле служило множество людей, заботившихся о том, чтобы все было в идеальном виде. Изгороди были подстрижены, ковры вовремя пылесосили, с мебели смахивали пыль, протирали даже обои на стенах. Целый отряд горничных расстилал свежее белье на мягких матрасах, и в каждом углу радовали взгляд высокие вазы с живыми цветами.

Но все это в прошлом, когда отелем управлял Уоррен Двенадцатый. Он умер, когда Тринадцатому было всего семь лет – маловато, чтобы встать во главе такого большого отеля. Вместо него руководить взялся дядя Руперт. К несчастью, Руперт был ленив и боялся работы, а потому все быстро покатило под горку. Персонал разбежался. Лужайки заросли сорняками. Постояльцы стали приезжать реже, а потом и вовсе пропали. Года не прошло, а уже почти все номера пустовали, и с тех пор в них никто не жил.

Теперь отель больше смахивал на дом с привидениями, чем на место, где приятно провести отпуск. Оконные стекла, когда-то блестящие и сверкавшие, потрескались, жалюзи висели криво, стены уже отчаялись ждать, когда же их покрасят. Да и внутри не лучше. Выцветшие обои облупились. Краны подтекали, дверные петли скрипели, половицы вскрикивали, как наступишь. Ни игровой комнатой, ни чайной, ни каким-либо другим общим залом никто уже сто лет не пользовался. Бильярдный стол зарос пылью. Мебель укутали старыми затхлыми простынями, отчего столы и стулья превратились в маленьких толстеньких призраков.

– УУУУОООООРРЕЕН!

Снова завыл голос дяди Руперта в переговорное устройство, пробудив мальчика от снов наяву. Уоррен стряхнул с себя воспоминания и еще быстрее поскакал вниз по лестнице, не забыв перепрыгнуть сто третью ступеньку (потому что ступеньки на этом месте не было) и едва не наступил на жившую в отеле улитку – та расположилась на площадке четвертого этажа. Последние два этажа Уоррен проехал по перилам и соскользнул, запыхавшись, на испарянный мраморный пол в черно-белую клетку уже в холле.

Дядя Руперт стоял у окна, чуть отвернув занавеску, поглядывал во двор и приглаживал волосы.

– Т-там на подъездной дорожке – машина! – пробормотал он.

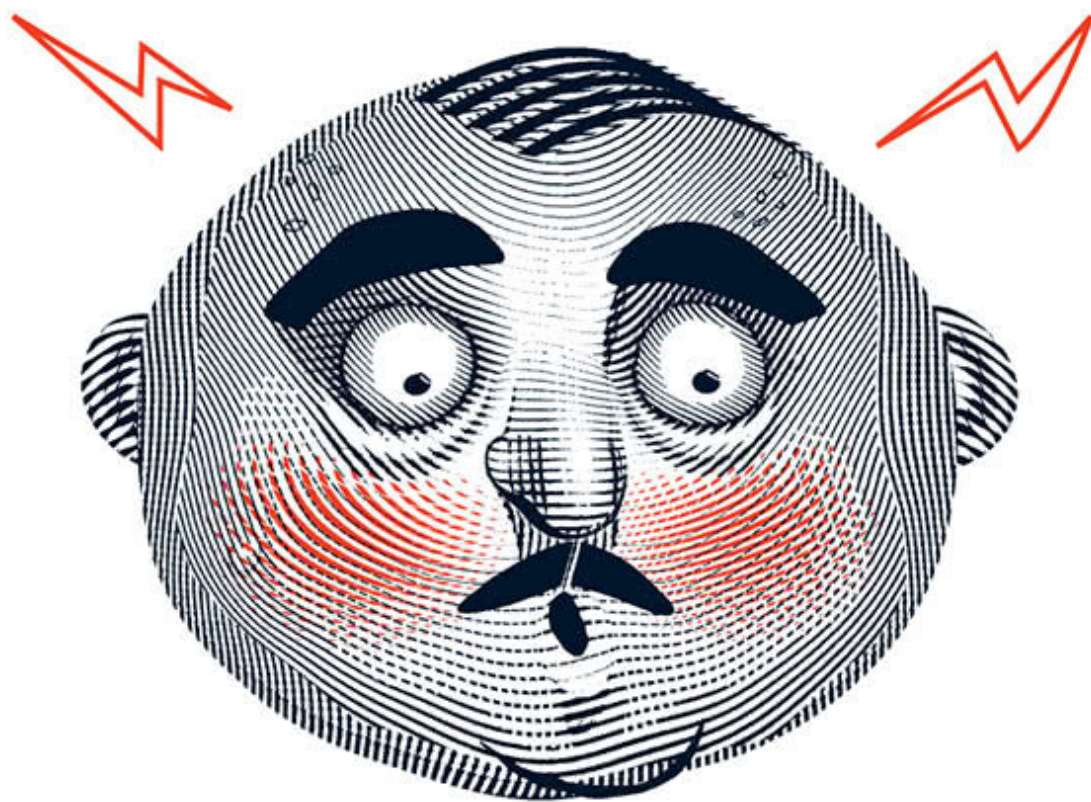
Уоррен тоже подошел к окну и посмотрел. Водитель в ливрее выгрузил из багажника небольшой красный саквояж, но пассажир все еще сидел в машине – темный силуэт на фоне заднего окна.

– Должно быть, турист, – сказал Уоррен.

– Но что туристу понадобилось здесь? – вскричал Руперт. – В этом отеле никто не останавливается! Уже много лет! Да ты посмотри вокруг!

Действительно, беспощадное время обошлось с холлом не лучше, чем со всем остальным отелем. Солнце сюда не проникало, единственным источником света была грязная люстра, цеплявшаяся за потолок, словно огромный жук. Она мигала и мерцала, готовая в любой момент погаснуть. Под люстрой – линияя кушетка красного бархата, по краям посеревшая от пыли, а в середине продавленная точно по фигуре дяди Руперта (Руперт любил тут прикорнуть).

– Ничего страшного, – бодро заявил Уоррен. – Сегодня же протру здесь пыль, и все станет как новенькое.

Руперт растерянно уставился на стену за стойкой, где висели ключи.

– Какой номер у нас лучший? Я никогда не заходил в них.

– Любой подойдет, – ответил Уоррен. – Я там каждую неделю прибираю на всякий случай. Я знал, что когда-нибудь этот день наступит!

Громко ухнула парадная дверь, и в холл вошел кто-то худой и высокий. Гость был весь в черном, лишь голова – до странности узкая с виду – сплошь замотана белыми бинтами. И, что еще удивительнее, багажа у гостя не оказалось, лишь тот маленький красный саквояж. Внутри, услышал Уоррен, негромко позванивало стекло.

Руперт вытаращился на странную фигуру.

Уоррен слегка поклонился.

– Д-д-добро пожаловать в отель «Уоррен», сэр.

В ответ – молчание.

– Мы рады принять вас. Меня зовут Уоррен. Как ваше имя, сэр?

Гость не отвечал.

– Откуда вы к нам прибыли?

И снова молчание.

– Вы долго ехали?

Где-то вдали запиликал сверчок.

Гость сунул руки в складки длинного черного плаща и с громким шуршанием вытащил оттуда карточку. Уоррен потянулся ее взять, но гость отдернул карточку и лишь показал, что там изображено. Кровать с балдахином, разглядел Уоррен.

– Вам нужен номер с кроватью! – воскликнул Уоррен. – Ну конечно же! Сию минуту мы вас разместим.

Он многозначительно покосился на дядю Руперта, который так и застыл, уставившись на пришельца.

– Мне бы ключ от номера... Дядя Руперт?

Руперт наконец очнулся:

– Да, да, разумеется! Сей момент!

Он обернулся к крючкам с ключами, все еще недоумевая, какой же выбрать, а Уоррен тем временем попытался принять у гостя багаж.

– Я отнесу вашу сумку в номер, – сказал он. – Лифт не работает, извините.

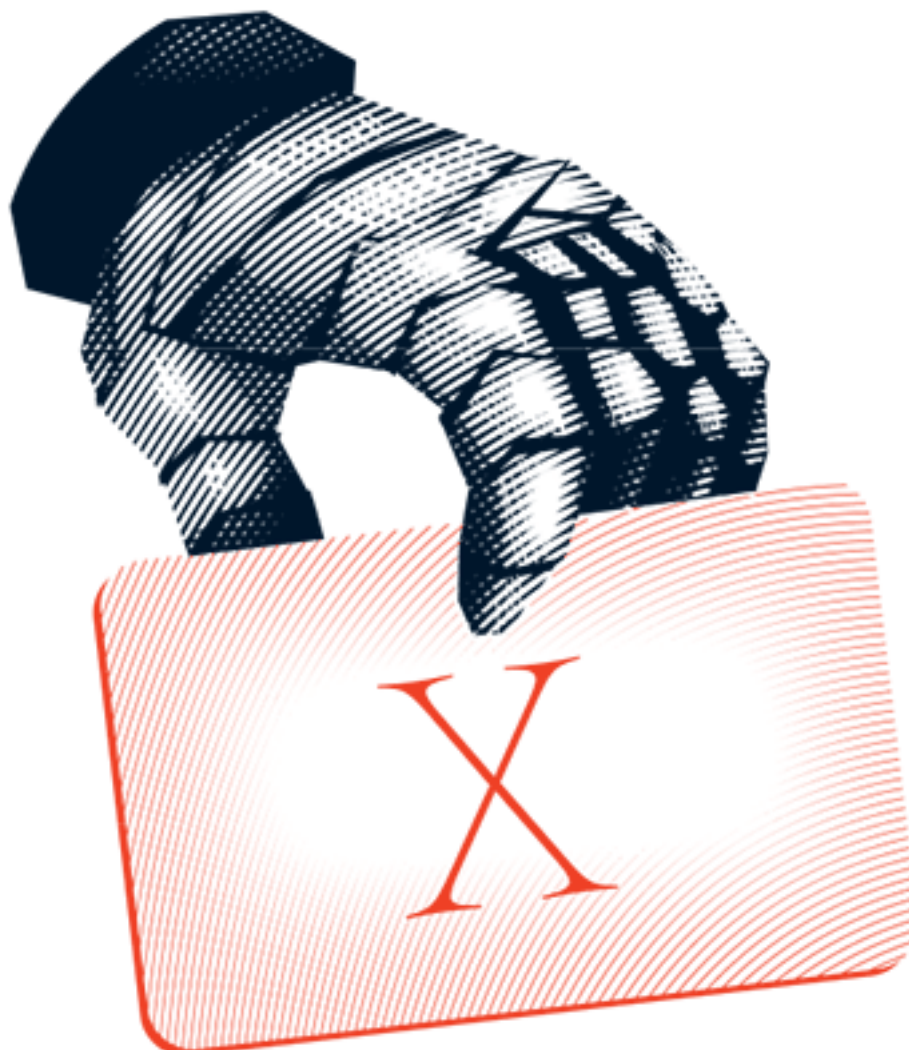
Гость дернул саквояж к себе, словно опасался, что Уоррен заразный.

– Извините, – повторил Уоррен и попятился.

– Вот он! – пропел Руперт, протягивая рябой медный ключ на облезлом шнурке. – Ключ от люкса! Дивный вид из окна! Номер написан прямо на двери: вдруг вы заблудитесь в наших роскошных коридорах.

Уоррен скептически взирал на дядю. Называть коридоры отеля «роскошными», а номер «люксом» – явная натяжка, и, по правде говоря, дивного вида из тех окон не открывается. Но он прикусил язык, потому что гость протянул когтистую лапу и выхватил ключ.

Уоррен двинулся вслед за странным гостем по скрипучей лестнице. Раз не дали нести багаж, то хоть проводить в номер. Но тут гость развернулся и – шурх! – вытащил еще одну карточку, на этот раз с большим красным X.

Наверное, это означает «Оставьте меня в покое», сообразил Уоррен. Он неуклюже поклонился и ретировался в холл.

– Знать бы, должны ли мы подать ему завтрак, – сказал он дяде.

– Очень странный тип, – пробурчал Руперт. – Даже имени своего не назвал.

Бледномордый – так Уоррен мысленно назвал гостя, пытаясь вообразить, что прячется под слоями бинта. Раны? Шрамы? Третий глаз? Перевернутый вверх ноздрями нос? Что-то очень страшное, должно быть, иначе зачем заматывать себе все лицо?

Перестук каблучков по плиткам пола пробудил Уоррена от размышлений. Он обернулся – в холл отеля вошла тетя Аннаконда. Если дядя Руперт был приземист и толстоват, то жена, которой он недавно обзавелся, являла собой полную его противоположность: высокая, изящ-

ная, элегантная. Длинные черные волосы она стянула в тугий пучок – казалось, на затылке у нее свернулась гадюка.

– Слух меня обманывает? – с порога спросила она. – Или к отелю действительно подъехал автомобиль?

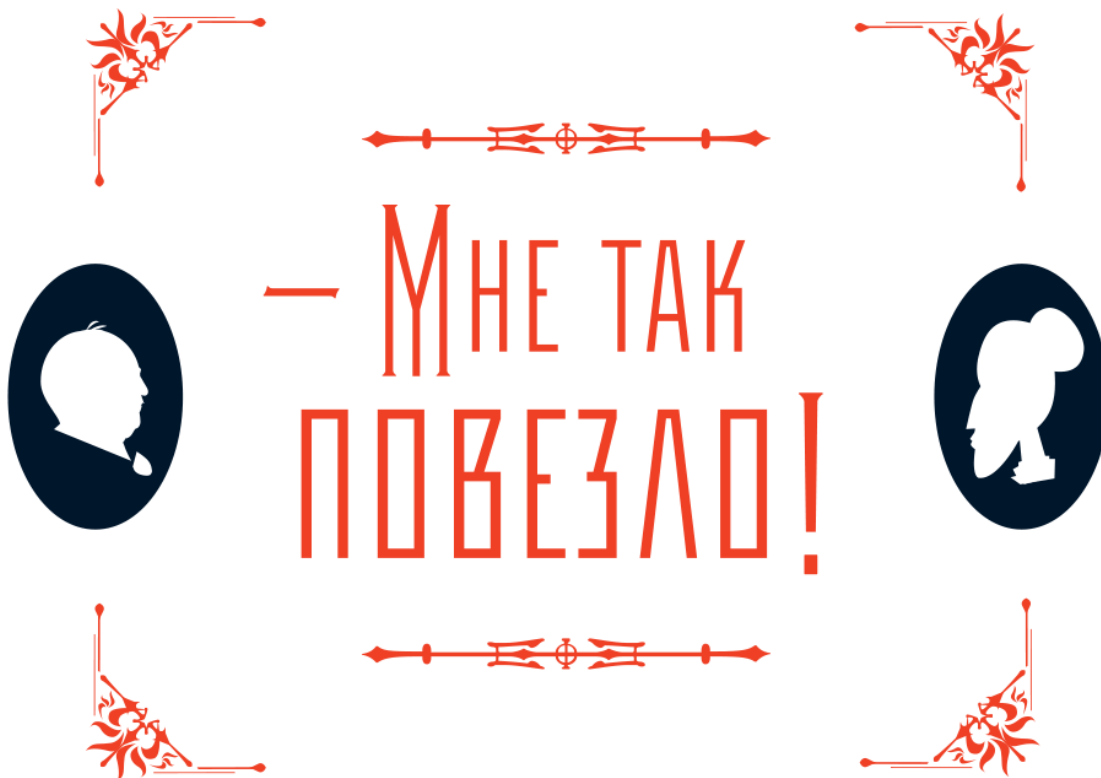
– Моя королева! Любовь моя! – заворковал Руперт, щеки его покраснелись от восторга. – Нет, ты не ошиблась. У нас в самом деле постоялец! Замечательный! Он только что прибыл.

– Во-о-от как? – протянула Аннаконда и почесала Руперта под нижней челюстью, словно кота. Лицо Руперта полыхало будто пожарная машина, из толстогубого рта вырывалось мурлыканье. (Уоррена едва не стошнило.) – Жаль, что я с ним разминулась.

Дядя Руперт женился на тете Аннаконде всего четыре месяца назад, и они все еще вели себя как новобрачные. Перед тем как встретиться лицом к лицу, они полгода переписывались. При первом же знакомстве Руперт был очарован и чуть ли не сразу же сделал предложение.

– Дорогая, – нежно вздохнул он, – ты ко мне слишком добра.

– Нет, это ты слишком добр ко мне, – заспорила Аннаконда.

– сказал Руперт. – С тех пор как ты вошла в мою жизнь, я будто заново на свет родился.

– Нет, это мне повезло! – Аннаконда широко раскинула руки и даже покружилась слегка. – Ты мой славный, сладкий принц, ты привез меня в этот сказочный заколдованный замок!

Слушать это любовное воркование и дальше Уоррен был не в силах. Он попытался незаметно ускользнуть, но тетя его окликнула:

– Уоррен, дорогой мой! Ты же проводил нашего уважаемого гостя в номер?

Когда Аннаконда улыбалась, морщинки вокруг ее глаз шевелились, как паучьи лапки.

– Он отказался от помощи.

– Он тебя прогнал? Ох, бедный мой Уоррен! Надеюсь, ты не обиделся, – сказала Аннаконда. – Выглядишь ты и в самом деле необычно, однако это не дает взрослым права дурно с тобой обращаться.

Так нежно звучал ее голос, что дядя Руперт не заметил, насколько оскорбительны сами слова. А Уоррен и вовсе не обращал на них внимания. Он знал, что есть в его внешности неудачные черты: жабья физиономия, серая кожа, кривые зубы. Зато Уоррен гордился красивыми волосами – у всех прежних Уорренов тоже имелась пышная шевелюра – и верил, что это компенсирует худшие из его недостатков.

– Мне у себя в комнате сажу подмести нужно, – сказал он. – Я пойду?

– Ну конечно, лапонька! – ответила Аннаконда. – Я же знаю, как ты любишь работу по дому. Ни за что бы не стала тебе в этом мешать.

Поднимаясь по лестнице, Уоррен услышал за спиной смех дяди.

– Какой странный паренек! Где это слыхано, чтобы мальчик охотно убирал свою комнату? Уж точно не от меня ему эта привычка досталась.

Тетя тоже засмеялась:

– Конечно, любовь моя, не от тебя! Ты принц, уборка – не твое дело.

Уоррен тяжело вздохнул. Дядя Руперт не принц, а обыкновенный лентяй. Никогда ничего не починит, не приберет, любая работа – не его дело. Отец, Уоррен Двенадцатый, был бы так на него сердит! Уоррен Двенадцатый всегда говорил, что усердный труд формирует характер.

Уоррен поднялся на четвертый этаж и заглянул в кладовку для метел и щеток. Отскочил в испуге: внутри его уже поджидала тетя Аннаконда.

– Долгонько ты плелся! – прошипела она и сунула ему в руку метлу.

– Как это вы... – Уоррен хотел спросить, как тетя попала на четвертый этаж, не обогнав его на лестнице, но передумал. Тетя все время внезапно исчезала и появлялась откуда ни возьми. Одна из множества тетиных тайн.

Аннаконда шагнула вперед, нависла над крошечным племянником, крепко уперлась узловатыми руками в костлявые бедра, которые проступали сквозь ткань платья. Пропала улыбка, надеваемая, будто маска, при супруге: темные глаза Аннаконды грозно сверкали, длинное лицо вытянулось в свирепом оскале.

– Отвечай! – зашипела она. – Кто этот таинственный гость? В каком он номере?

– Я ничего не знаю, – пробормотал Уоррен, ежась под гневным взглядом тети. – Дядя Руперт дал ему ключ, а куда он пошел – я не видел.

– Как он выглядит? Что он говорил?

– Высокий и худой... весь в черном. Кроме лица, оно замотано белым бинтом. И ничего не говорил, только показывал карточки. А еще у него красная сумка.

– А про Всевидящее Око? – наседала Аннаконда. – Про Всевидящее Око он говорил?

– Ни слова не говорил, – повторил Уоррен. – Я думаю, это обычный турист, остановился у нас по пути.

– Он ищет Око! – прошептала Аннаконда. – Я уверена! Зачем бы еще ехать в это ужасное место? Он ищет Око, он хочет его украсть!

Уоррен уже наслушался немало о Всевидящем Оке, таинственном сокровище, спрятанном где-то в отеле, – так считала Аннаконда. Как только она вышла замуж за Руперта и приехала сюда, так и принялась выпрашивать. Уоррен знал, что Око – легенда, все равно что гигантские насекомые, якобы таящиеся в лесу, или призраки, подстерегающие в лабиринте из живой изгороди.

– Вряд ли он ищет Всевидящее Око, – честно сказал он.

– Ты малое дитя, ничего не смыслишь, – отмахнулась Аннаконда. – Вот что: как только увидишь снова этого таинственного гостя, сразу меня зови. Понял?

– Понял, – кивнул Уоррен.

– А теперь закрой за собой дверь и ступай.

– Оставить вас тут? В кладовке?

Он покорно закрыл за собой дверь, подозревая, что, если откроет ее через минуту, Аннаконды там уже не будет. Но проверить не решился.

Глава II, в которой Уоррен выполняет множество работ по дому

Прошло несколько часов, руки разболелись, а Уоррен еще и половины дел не переделал. Сначала он собирался подмести только в своей комнате на чердаке, но потом решил прихватить весь восьмой этаж, а когда закончил с ним, нечаянно заметил, сколько грязи на седьмом. И тогда он решил подмести весь отель, иначе по отношению к другим этажам это будет нечестно!

По дороге Уоррен то и дело наткался на беспорядок, оставленный тетей Аннакондой в поисках Всевидящего Ока: она целыми днями рылась повсюду и переворачивала всё вверх дном. К примеру, на шестом этаже она отодрала несколько половиц, и Уоррену пришлось хорошенько попрыгать на них, чтобы половицы встали на место. На пятом этаже край ковра оказался распущен, Уоррен вправил и заплел нити. После такого лечения ковер слегка вздыбился – опасно! можно споткнуться! – и Уоррен сбегал за утюгом, чтобы разгладить складки.

В коридоре четвертого этажа Уоррен обнаружил вспоротое кресло, вся набивка наружу – как будто пушистое существо надулось и лопнуло. Уоррен заскрипел с досады зубами и принялся запихивать набивку обратно, один лохматый кусок за другим. Но как только покончил с этой работой, заметил прорезанную в стене дыру. Времени замешивать штукатурку и замазывать дыру не было, так что он подтащил кресло к стене и его спинкой заслонил отверстие. Этим он займется потом.

Наконец Уоррен добрался до любимой части отеля: до галереи предков на четвертом этаже. Там на стене висели портреты двенадцати прежних владельцев отеля – дедов и прадедов Уоррена – в хронологическом порядке. Мальчик сразу подошел к портрету своего отца, Уоррена Двенадцатого. Отец выглядел точно так, как запомнилось сыну: доброе лицо, ласковые карие глаза, загадочную улыбку обрамляют длинные завитые усы.

– Папа, у меня замечательные новости! – сообщил Уоррен портрету. – У нас появился гость. Впервые за долгое время. Я подумал, ты будешь рад об этом услышать.

Уоррен часто рассказывал отцу новости отеля. Он знал, что портрет не ответит, но можно хотя бы притвориться, будто папа его слышит.

– Немножко странный, – продолжал свой отчет Уоррен, – ни с кем не разговаривает. И не позволил мне отнести его багаж в номер. Но какая разница! Главное, у нас теперь есть постоялец. Дела идут на лад.

Уоррен всегда старался, чтобы новости звучали бодро. Он понимал: отец огорчился бы, если бы узнал, в каком запустении отель, поэтому хорошие новости раздувал, а о плохих не упоминал. Он не хотел, чтобы Уоррен Двенадцатый догадался, как на самом деле все скверно.

– У меня, конечно, работы полно, – продолжал он. – Столько всего надо успеть до зимы, столько окон починить и прочистить трубы отопления. И еще эти нахальные вбóроны вечно забивают дымоход. Но я помню, чему ты меня учил, я тебя не подведу.

Собственно, по этой причине Уоррен и трудился, не давая себе роздыху: он знал, что его отец усердно работал, и отец его отца, и отец отца его отца и так далее... Все они работали изо всех сил. Двенадцать поколений Уорренов превратили отель в один из прекраснейших в мире. А тупому дяде Руперту хватило пяти лет, чтобы все развалить.

– Здорово будет, когда мне исполнится восемнадцать и я смогу вступить в свои права. Тогда ты увидишь тут большие перемены! – посулил Уоррен, улыбаясь портрету Уоррена Двенадцатого.

Портрет Уоррена Двенадцатого подмигнул в ответ.

По крайней мере, так показалось Уоррену Тринадцатому. Под лучами послеполуденного солнца пятна света и тени причудливо играли на портрете. Уоррен знал, что подмигивание ему скорее всего почудилось, но все-таки ему стало теперь легче. Ему всегда становилось легче после разговора с отцом.

Уоррен сидел там, мечтая о счастливых временах, пока не зазвонили высокие часы в конце коридора. Вслед за ними загремели, задрезжали, заухали и другие часы, нестройный шум разнесся по отелю.

Четыре часа! Скоро ужин!

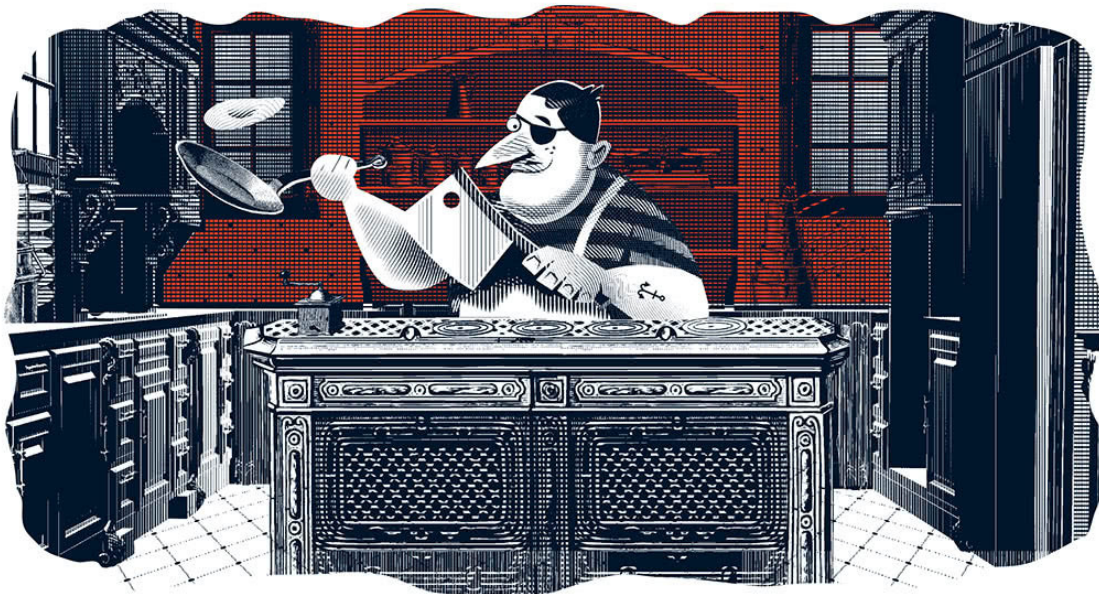
Уоррен помчался вниз, на первый этаж, влетел в кухню, наклонившись, проскочил под летящей дугой морковных кружочков – из-под ножа шеф-повара Буньона они устремлялись прямо в суповой горшок на другом конце помещения.

– Простите, опоздал, – извинился Уоррен.

– Не беда, мой мальчик! – откликнулся шеф. – Посиди, отдохни, пока я тут все подготавливаю.

Шеф-повар был последним из старой гвардии: он слишком любил отель, чтобы с ним расстаться. Широкоплечий крепыш с могучими руками, смахивающими на медвежьи лапы, – но двигались эти «лапы» изящно и ловко.

По слухам, когда-то шеф-повар Буньон работал в цирке, а фокусы он показывал до сих пор. Самый любимый: резать лук, взбивать яйцо и разделять индейку одновременно, словно у него две пары рук, а не одна, как у всех.

– Что это вы готовите – так вкусно пахнет? – спросил Уоррен.

– Я хочу, чтобы ты снял пробу, – ответил шеф. – Хорошую порцию чтобы съел, прежде чем твоя тетушка сунет сюда свой нос.

Уоррену запрещалось есть то, что ели все остальные. Как только Аннаконда вышла замуж за дядю Руперта, она посадила племянника на строжайшую диету: овсянка на завтрак, обед и ужин.

По ее словам, вареная овсянка – единственное питание, потребное растущему парню. Дядя Руперт был так влюблен, что ни с чем не спорил, зато шеф Буньон озверел. Растущему парню требуются овощи и фрукты, пирожные и конфеты, – утверждал он и подсовывал их Уоррену всякий раз, как Аннаконды не было поблизости.

– Сегодня у нас отличное мясное рагу, – заявил шеф. – А в нем перчик и помидоры, баклажаны и цукини – все, что ты любишь, в одном упоительном блюде!

Он сунул черпак под нос Уоррену.

– М-м-м-м! – пробормотал Уоррен, с наслаждением вдыхая аромат, прежде чем попробовать жаркое.

Шеф подтолкнул к нему тарелку, сунул Уоррену большой ломоть хлеба.

– А теперь ешь. Досыта, от пуза.

– Надо оставить немного места для овсянки, иначе тетушка что-нибудь заподозрит.

Шеф Буньон усмехнулся.

– Когда закончишь, пожуй листок мяты, чтобы она чеснок не унюхала.

Через несколько минут Уоррен уже начисто вытер тарелку хлебом и превесело облизывал пальцы. Он заметил, что шеф Буньон смотрит на него и вроде бы погрустнел.

– Что случилось? – спросил Уоррен.

– Ничего, – ответил шеф, прокашливаясь. – Мне вспомнилось, что твой отец тоже обожал это блюдо.

– Он тоже? Правда? – Уоррен всегда хотел побольше узнать о родителях, пусть даже какие-то мелочи, пустяки.

– О да, без сомнения. С тех пор как твоя мама умерла – а ты был еще совсем малышом, – он ел рагу каждый вечер. Говорил, это лучшее утешение.

Уоррен заглянул в пустую тарелку и прислушался к тому, как в животе разливается тепло.

– То-то оно мне так нравится.

Шеф смахнул слезу своей похожей на лапу рукой.

– Чертов лук, глаза потекли, – пробурчал он, возвращаясь к разделочной доске. – Доедай и ступай накрывать на стол. Не стоит опаздывать.

Он сунул в карман Уоррену десерт – пирожное-пудинг, свое фирменное изделие, нежный шоколадный мусс в твердой оболочке – и велел поспешить.

Уоррен проворно загрузил в служебный лифт накрытые подносы с ужином для обитателей отеля. Сначала он поднялся на пятый этаж и доставил поднос мистеру Фриггсу, своему учителю и единственному постоянному гостю отеля. Мистер Фриггс жил тут с тех пор, как Уоррен себя помнил, но никогда не выходил из библиотеки, даже в столовой не появлялся. И на этот раз Уоррен застал его за столом, уткнувшимся носом в книгу.

– Ого, уже время ужинать? – спросил мистер Фриггс, потирая глаза. – А я на весь день погрузился в старые войны Фаунтлероя. Расскажу тебе о них на следующем занятии. Как раз о твоем тезке, кролике Уоррене. Жду тебя завтра утром, верно?

– Конечно! – подтвердил Уоррен. Занятия с Фриггсом скрашивали Уоррену полные трудов дни. Он узнавал от него предания об отеле и судьбы всех своих двенадцати предков. Похоже, мистер Фриггс знал о каждом из них, и очень много.

– Я слышал, как утром дядя звал тебя, – сказал мистер Фриггс. – Кажется, он был в панике. Все ли у вас в порядке?

Уоррен кивнул.

– Да, у нас новый гость.

– Гость! Вот как! – воскликнул мистер Фриггс. – И как же его зовут?

Уоррен рассказал ему про бледномордого и про странные обстоятельства его появления.

– Боюсь, я ничего толком не знаю. Пока. Но тетя Аннаконда убеждена, что он приехал украсть Всевидящее Око.

– Опять эта чушь! – возмутился мистер Фриггс. – Сто раз ей объяснял: Око – всего лишь сказка. На самом деле его нет!

Он обвел рукой библиотеку, тысячи журналов и книг для записи, громоздящиеся горы бумаги.

– В моем распоряжении полная история семейства Уорренов, и, смею тебя заверить, здесь нет ни единого упоминания о Всевидящем Оке. Его попросту не существует!

– Я-то вам верю, мистер Фриггс, – сказал Уоррен. – Но тетю Аннаконду это не остановит. Она убеждена, что Око существует на самом деле.

Мистер Фриггс печально покачал головой.

– Неприятно это говорить, но порой я думаю, она вышла замуж за твоего дядю только ради того, чтобы подобраться к воображаемому сокровищу.

В последнее время Уоррен тоже ловил себя на такой мысли. При дяде тетушка становилась ласковой, будто котенок. Но стоило Руперту отвернуться (или задремать на кушетке в холле), и она принималась выдергивать из буфетов ящики и разламывать на части рояль. И никогда не прибирала за собой. На отель ей, видимо, наплевать!

– Рано или поздно она сдастся, – сказал Уоррен. – Она уже все комнаты и коридоры обыскала. Уже и заглядывать больше некуда.

– Надеюсь, ты прав, – ответил мистер Фриггс, покосившись на часы. – Но боюсь, в данный момент она ищет не Око, а свой ужин. Не заставляй ее ждать.

Уоррен сообразил, что снова изрядно задержался. Помчался обратно в лифт и спустился на второй этаж, там сгрузил подносы на старую тележку – она, как и всё прочее в отеле, видала дни и получше. Развернувшись, Уоррен повез ужин в главный обеденный зал. Посреди зала стоял огромный стол красного дерева: когда-то здесь накрывали банкеты на двадцать человек. Уоррен еще помнил времена, когда торжественные ужины происходили каждый вечер. Нарядные гости спускались из номеров в зал, вели оживленную беседу, звенели бокалы, в стороне музыканты играли бодрые мелодии. После ужина – танцы, обычно до глубокой ночи.

А теперь в обеденном зале сумрачно и холодно, точно в пещере. Уоррен толкал перед собой скрипучую тележку, ее колеса громко дребезжали. Над головой люстра: когда-то она ярко сверкала, а теперь ее выключили, чтобы сэкономить электричество. Вместо люстры зажигали свечи, и причудливые тени метались по стенам.

Уоррен поставил тарелки с рагу и корзинки хлеба на разные концы стола – для дяди и для тети. Между ними – крошечную тарелку овсянки для себя. Как раз когда он переливал шипучку с экстрактом сарсапарели (излюбленный напиток дяди Руперта) в стакан, послышались шаги. Уоррен поднял голову: тетя и дядя вошли в огромный зал. Ровно пять – их шагам аккомпанировал грохот и звон многочисленных гостиничных часов.

С видом заправского кавалера Руперт выдвинул для жены кресло – ножки в форме лап громко царапнули пол – и побежал на свое место, в дальний конец стола. Сразу же уткнулся лицом в свою тарелку, испуская громкое радостное чавканье. Капли помидора потекли по двойному подбородку.

Аннаконда оглядела свою еду с неудовольствием.

– Что за месиво? – злобно прошипела она Уоррену так, чтобы Руперт не услышал. – Такое и мужики есть не станут.

– Рагу, тетя, – ответил Уоррен. – Оно вкусное.

Аннаконда прищурилась.

– А ты откуда знаешь, Уоррен?

– Я... э-э...

– Ты его отведал? Без моего разрешения?

– Любовь моя! – окликнул Руперт жену с дальнего конца стола. – Это же упоительно!

Шеф Буньон снова превзошел себя.

Аннаконда мгновенно прогнала морщину со лба.

– Да, мой дорогой! – прочиркала она. – Шеф Буньон просто клад. Но у меня, кажется, проблемы с желудком, придется отослать мою порцию на кухню.

– Нет-нет! Пусть Уоррен отдаст твою тарелку мне! – взволновался Руперт. – Зачем же хорошей еде пропадать.

Уоррен взял тарелку Аннаконды и отнес дяде, который, ни минуты не медля, занялся добавкой. Возвращаясь к тетушке, Уоррен прошел мимо предназначенной ему миски овсянки и заметил, что каша остывает. Холодная будет, липкая. Фу.

– Жаль, что вам не понравилось рагу, – сказал он Аннаконде. – Принести что-то другое? Аннаконда подалась вперед и понюхала воздух возле его лица.

– Пахнет чесноком, вот как?

Уоррен зажал рот ладонью, но было поздно: он забыл пожевать мяту.

– Н-нет, то есть вряд ли...

Аннаконда вытянула костлявый палец и сколупнула морковное пятнышко с галстука Уоррена.

– Ты ел эту гадость! Как ухитрился? Шеф Буньон ослушался моего приказа?

Уоррен побледнел. Уж конечно, он не хотел навлечь беду на шефа Буньона. Аннаконда и так выискивала предлог, чтобы его уволить.

– Н-нет, тетя, шеф ни в чем не виноват. Я попробовал рагу, когда он отвернулся.

– Значит, ты будешь наказан.

Уоррен повесил нос и ждал, пока Аннаконда, постукивая себя по подбородку, предавалась любимому занятию – придумывала наказание. Однажды она послала его в лес собирать медвежье дерьмо. В другой раз заставила нарисовать ей ногти и придать им форму треугольника. От ядовитого запаха лака его чуть не стошнило (что уж говорить о медвежьем дерьме!).

– Ага! – вскричала Аннаконда. – Придумала! Пойдешь в лабиринт из живой изгороди и отыщешь его центр. Часами будешь там бродить, пока выберешься.

Старый лабиринт позади отеля зарос колючками, там поселились дикие звери. Даже в пору, когда отель процветал, там было страшновато – ходили слухи, что в лабиринте обитают призраки. Но это не помешало Уоррену исследовать каждый его дюйм. Он подолгу играл среди темных вечнозеленых зарослей и знал каждый поворот тропы как свои пять пальцев.

– Только не в лабиринт, тетя! Не надо! – заныл Уоррен, падая на колени и стараясь изобразить отчаяние.

– Ступай сию минуту! – злорадно усмехнулась она. – И пока не дойдешь до центра, не возвращайся.

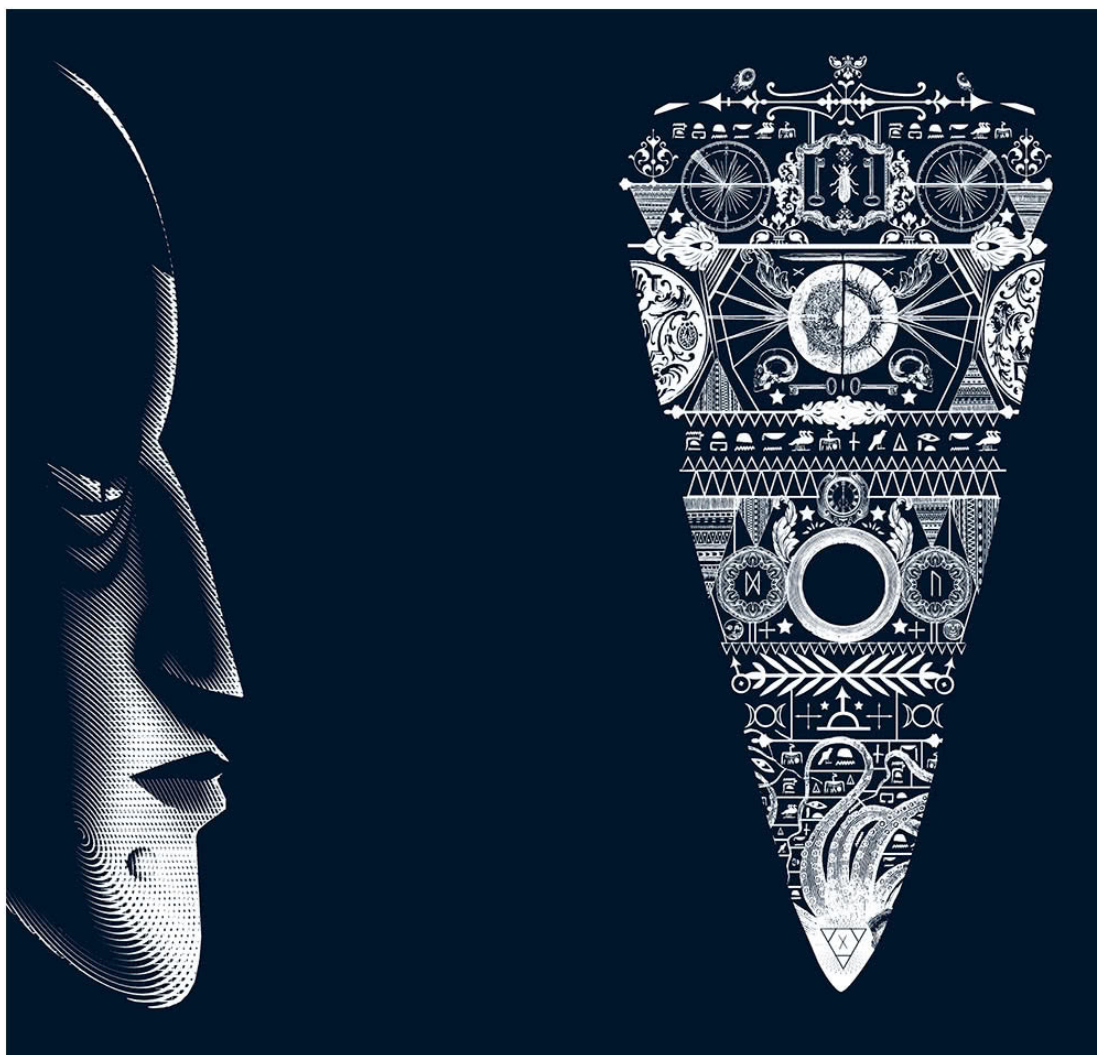
– А как я докажу, что был там?

– В центре лабиринта стоит памятник Уоррену Первому, – сказала Аннаконда. – На цоколе статуи есть надпись. Спиши ее, от слова до слова, и принеси мне. И не смей возвращаться, пока не спишешь ее!

На другом конце стола Руперт знай себе жевал и глотал, не прерываясь. Не вслушиваясь в их разговор, он добрался до десерта и с пугающей скоростью пихал себе в рот пирожные-пудинги. Скоро он крепко заснет: дядя любил вздремнуть после еды «для пищеварения».

– Пошел! – скомандовала Аннаконда.

– Да, тетя, – покорно отвечал Уоррен и, только выйдя за дверь, широко улыбнулся. Наконец-то страшная кара обернулась пустяком!

Если бы кто-нибудь заглянул в комнату Аннаконды (что было бы непросто, потому что дверь она держала на тройном замке), то убедился бы, что тетя Уоррена – вовсе не обычная женщина. Она ведьма! Повсюду были разбросаны книги и свитки на редких и древних языках. Каждый дюйм на полках занимали горшки с пахучими маслами, травами, рыбьими зубами. Тетушка даже поставила прямо посреди комнаты железный котел: из этого вместительного сосуда поднимались порой таинственные струйки дыма, хотя с виду он оставался пуст.

Каждый вечер после ужина Аннаконда уединялась в этой комнате. Вот и сегодня ее противный муж Руперт заснул прямо за столом, храпел, уткнувшись лицом в тарелку, а племяннику она придумала дурацкое поручение, чтоб не мешал. Ей пора было заняться новой ученицей.

Девочка дождалась ее, сидя в кресле. На вид лет двенадцати, волосы светлые, кожа точно пергамент.

– Надеюсь, ты доехала благополучно? – осведомилась Аннаконда.

– Да, ваша мрачность, – ответила девочка. – Поездка была длинная, но я рада, что наконец добралась. Отель очень... приятный.

– Отель ужасен! – рявкнула Аннаконда. – Жалкая дыра! Омерзительная! Но ты, моя юная ученица, не пожалеешь о том, что попала сюда. Я многому тебя научу. Ты обретешь силу, о какой и не мечтала.

Девочка склонила голову:

– Я очень на это надеюсь.

Аннаконда сунула руку в карман платья и вытащила длинный изогнутый предмет цвета кости, острый, словно коготь. От этого предмета как будто исходила темная аура; ученица подалась ближе, любопытствуя.

– Знаешь, что это? – спросила Аннаконда.

– Нет, ваша мрачность.

– Большая редкость – зуб мальвудианской мантикоры, я украла его в своем родном городе перед тем, как меня изгнали.

– За что вас изгнали?

– Это не имеет никакого значения! – рыкнула Аннаконда. – Важно другое: меня лишили магической силы! Ограбили! Я все еще могу превратиться в животное-духа и ползать по полу...

– Простите, ваша мрачность, вы сказали – в животное-духа?

– Да, да, у каждой ведьмы есть животное, в которое она может обращаться – и снова принимать свой облик – сколько пожелает. Но все остальное я могу делать только при помощи зуба!

Девочка вытащила блокнот и торопливо записывала все, что слышала от Аннаконды.

– С помощью зуба вы накладываете заклятья?

– Осталось только одно заклятье. Боюсь, я извела почти всю магию, что была в нем. Вот когда я отыщу Всевидящее Око, тогда, знаю, все мои таланты вернутся ко мне. Я стану более могущественной, чем была!

– Так почему же не использовать заклятие зуба, чтобы найти Око? – простодушно спросила девочка.

Аннаконда глянула свирепо.

– Неужели ты думаешь, я не пыталась? – Она ткнула зубом в сторону ученицы с такой яростью, что чуть не вонзила в нее острый конец. – Половину заклятий потратила, пытаюсь добыть Око. Ты себе не представляешь, во что мне обошлись эти поиски!

– Прошу прощения, ваша мрачность, – сказала девочка. – Я буду помогать вам изо всех сил.

– Еще как будешь, – откликнулась Аннаконда. – Для начала прилипни тенью к моему племяннику Уоррену. Странный парень: зубы кривые, лицо как у мухи. Найдешь его в лабиринте из живой изгороди. Надеюсь, он там всю ночь проведет, блуждая кругами.

– А когда я его найду, что с ним сделать?

– Ничего не делай, следи за ним. Я ему не доверяю: парень твердит, будто знает ничего не знает о Всевидящем Оке. Двенадцать поколений его предков прятали это сокровище, а он уверяет, будто это сказки! Хочет сбить меня со следа.

– Я разыщу его, ваша мрачность!

И ученица исчезла во вспышке яркого света.

Глава III, в которой Уоррен входит в лабиринт

Когда Уоррен входил в лабиринт, как раз наступали сумерки и ночной туман обволакивал мир, зажигая над каждым предметом холодный лилово-багровый отсвет. Но Уоррен несколько не испугался, даже когда в кустах зашуршали невидимые еноты, а с вершин разросшихся елей закаркали, как безумные, вороны.

Мистер Фриггс рассказывал Уоррену, что лабиринту более ста лет, он был создан по заказу Уоррена Шестого в память Уоррена Первого. Десятилетиями целая армия садовников стригла растения и ухаживала за тропинками, освежала краску на указателях и выводила всевозможные ботанические сюрпризы. Но под «надзором» Руперта лабиринт пришел в запустение вместе со всем отелем. Дорожки стали грязными, сузились, их забили сорняки. На деревянных указателях уже ничего нельзя было прочесть. Даже в солнечный день лабиринт оставался местом темным и мрачным.

Входя в него, Уоррен непременно воображал себя Жаком Ржавые Боты, бесстрашным путешественником из своей любимой приключенческой книги, и окликал шнырявших меж корнями грызунов, притворяясь, будто это его обезьянки, а вóроны у него превращались в тропических птиц. Палкой, прихваченной с собой, он размахивал, точно мачете. Встретившись в одном из ответвлений лабиринта с одичавшей кошкой, Уоррен сказал себе, что это тигр. Он очень осторожно прокрался мимо, а «тигр» зашипел и замахнулся на него лапой.

Он сунул руку в задний карман, достал маленький блокнот и кусочек угля. В те редкие драгоценные моменты, когда ему не приходилось работать, Уоррен рисовал. До сих пор в блокнот попадали медленные или неподвижные объекты: повстречавшаяся на прогулке сонная жаба, проживавшая в отеле улитка, старинные стоячие часы в гостиной, шедшие в обратную сторону.

Уоррен перелистнул на чистую страницу и собрался переписать изречение, но тут ему в голову пришла мысль получше: он вырвал лист и прижал его к табличке. Затем потер лист углем, и выгравированные слова будто по волшебству проступили на странице. Идеальный факсимильный отпечаток. Уж когда он предъявит такую превосходную копию Аннаконде, тетушке придется признать, что Уоррен честно выполнил ее приказ.

Вполне довольный, Уоррен растянулся на каменной скамье и уставился в темноту. Ясной ночью он мог бы разглядеть звезды, но нынче небо заволокло туманом. Он прислушался к журчанию воды в фонтане и отпустил свои мысли блуждать: воображение меняло все вокруг, и вновь он оказался в тропическом убежище в самом сердце джунглей.

Щелк! Звук резко переломившейся ветки напугал Уоррена, и мальчик свалился со скамьи. Он готов был поклясться, что слышал убегающие прочь шаги, но, может быть, это биение его собственного сердца так грохотало в ушах. Леса вокруг отеля стали опасными. Уоррену припомнилось, сколько там живет кабанов и медведей – что, если кто-то из них в поисках пищи забрел в лабиринт?

Хватит тут болтаться, сказал себе Уоррен. Пора возвращаться в отель. Но как раз когда он поднимался с земли, обнаружилось кое-что любопытное: из-под скамейки торчал небольшой металлический столбик. Уоррен заполз под скамейку и убедился, что это не столбик, а засов. Он дернул засов, раздался негромкий скрежет, открылась узкая дверца, оттуда выпала маленькая книжка. Книжка стукнулась оземь, прежде чем Уоррен успел ее подхватить, и несколько страниц оторвались от изношенного корешка.

Уоррен с удивлением присмотрелся к книге. Конечно, в отеле было полным-полно тайников и скрытых уголков, но за все годы, что он обследовал свое жилье, ничего подобного ему не попадалось. На обложке спереди было выдавлено золотом слово «Дневник». Уоррен подобрал выпавшие страницы и засунул их внутрь. Потом он раскрыл книгу – старая кожа протестующе закрипела. На обратной стороне обложки обнаружился прямоугольник, украшенный звездочками и шестеренками, и в нем надпись:

Уоррен чуть не задохнулся от волнения.
Это же дневник...

УОРРЕНА II,

сына основателя гостиницы Уоррена I.

Он торопливо перевернул страницу и увидел, что первая запись сделана почти триста лет назад. Строчки, выведенные синими чернилами, причудливо клонились влево и на первый взгляд казались непостижимыми:

– крикнул он. – Кто там?

Ему припомнились старые сказки о призраках, обитающих в лабиринте, – а вдруг это были вовсе не сказки? И снова бегущие прочь шаги и снова смех. Уоррен оставил на скамье хрупкий дневник, боясь повредить его второпях, и побежал вослед.

В лабиринте было много обманчивых поворотов и тупиков, но Уоррен знал самый короткий путь. Порой белое пятно мелькало впереди, потом таинственная фигура исчезала и возникала вновь уже на другой стороне.

– Пожалуйста, остановись! – взывал к ней Уоррен. – Я только хочу поговорить с тобой.

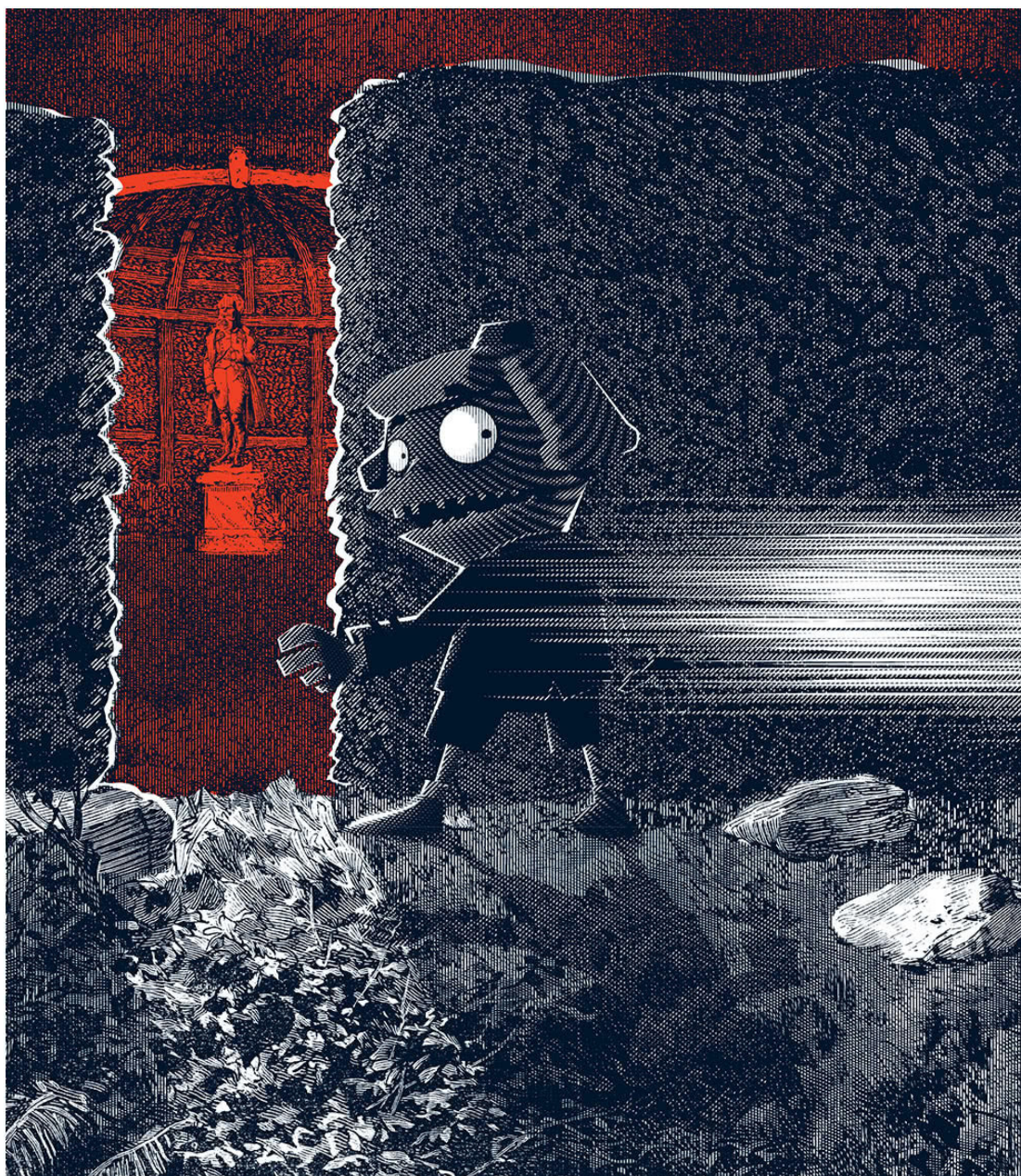
Он не был вполне уверен, призрак это, девочка или призрак девочки, но он давным-давно не видел сверстников и никак не мог упустить такой шанс. Он мчался по проходам лабиринта, сворачивая туда и сюда, пока не добрался до выхода. Но девочка успела скрыться. За кем бы (или за чем бы) Уоррен ни гнался, этот кто-то предпочел с ним не встречаться.

Расстроенный, Уоррен побрел обратно к памятнику за своей находкой. По крайней мере, будет что показать мистеру Фриггсу. Уж конечно, старый профессор увлеченно примется разгадывать странную надпись, даже если для этого придется часами сидеть перед зеркалом.

Но когда Уоррен добрался до центра лабиринта, дневника там не оказалось!

Мальчик тихо вскрикнул и бросился к скамье. Он и под скамью заглянул, и все вокруг обыскал. Даже в фонтан залез. Однако что толку? Уоррен был в отчаянии: какой же он дурак, оставил дневник без присмотра.

Тихий шелест привлек его внимание. Уоррен обернулся и увидел застрявший в кусте по соседству бумажный листок. Уоррен осторожно потянул лист за краешек, боясь порвать. Один листок из дневника все-таки лучше, чем ничего.

Как и первая запись, эта была тоже сделана синими чернилами, буквы клонились влево. Уоррен взял листок и подошел к фонтану. Воду в бассейне покрывали вонючие водоросли, но Уоррен упорно раздвигал их, пока не увидел собственное отражение. Тогда он поднес лист к расчищенной поверхности и попытался разглядеть в сумеречном свете слова.

Когда внемлет Уоррена Сердце
Песне, сыгранной верной рукой,
Ко Всевидящему Оку дверца
Вдруг возникнет сама собой.

Когда Сердцу Уоррена явят
Письмена, что муж верный хранит,
В новой власти Око оставят,
Дом Уорренов не устоит.

Уоррен чуть не задохнулся от волнения. Дверца ко Всевидящему Оку? Всевидящее Око окажется в чьей-то власти? Так или иначе, одно было ясно: Всевидящее Око существует на самом деле!

Глава IV, в которой Уоррена отправляют в бойлерную

Войдя в отель, Уоррен услышал звук, похожий на рокот бензопилы. Звук издавал дядя Руперт. Вырубился за стойкой и громко храпел. Он частенько ленился подняться в свою ком-

нату, хотя спальня была всего этажом выше. Уоррен прошел мимо на цыпочках. Он предпочитал ни с кем не встречаться, пока не заберется к себе на чердак. Там он поднесет страницу к зеркалу, подсветит газовой лампой и хорошенько изучит запись.

Тихо-тихо пробирался Уоррен по лестнице. Ему были знакомы все скрипучие половицы – а таких было немало, – и он перешагивал через них, порой совершая нечто вроде сложного акробатического трюка: перепрыгивал со ступеньки на ступеньку, делал стойку на руках и колесо вперед и так наконец попал на площадку второго этажа – того самого, где проживала тетюшка. Наклонив голову, Уоррен вслушивался, нет ли там какого движения. Ничего, лишь вкрадчивое тиканье часов с кукушкой да где-то в стене пищит мышь.

Убедившись, что путь свободен, Уоррен выдохнул с облегчением и полез дальше. На площадке третьего этажа его поджидал неприятный сюрприз: Аннаконда собственной персоной.

– Уже вернулся? – грозно спросила она.

– Д-да, тетя! – выдавил из себя Уоррен. Припомнив, что путешествие в лабиринт предназначалось ему в виде наказания, он поспешно добавил: – Я так напугался! Там столько ужасных зверей бродит! Пожалуйста-пожалуйста, никогда больше не посылайте меня в это страшное место!

Аннаконда нахмурилась:

– Я думала, ты там до утра плутать будешь.

– Видимо, мне повезло, – сказал Уоррен.

– Что ж, докажи! – рявкнула Аннаконда. – Где надпись?

Уоррен открыл блокнот, чтобы продемонстрировать сделанный углем оттиск, и, к его ужасу, страница старого дневника выпорхнула на пол. Он поспешно за ней наклонился – но тетя, проворная как гадюка, первой успела ухватить листок.

– Что это ты прячешь от меня? – спросила она. – Текст задом наперед?

– Да это так, – выпалил Уоррен. – Дурацкие стишки, вот и все.

Он помахал блокнотом перед носом у тети, пытаясь привлечь ее внимание.

– Видите? Я скопировал надпись.

– Не нужна мне твоя надпись! – отрезала Аннаконда и, отпихнув с дороги Уоррена, прошла в дальний конец зала, где над истертым до дыр креслом висело маленькое зеркало. Она прочла стих в отражении и торжествующе взвизгнула. Развернулась и ухватила Уоррена за плечи.

– Где ты это взял? Отвечай!

– Там, – пробормотал Уоррен, сердце у него ухнуло в пятки. – На кусте висело.

– А где следующая страница? Где все страницы? – Аннаконда вырвала из рук Уоррена блокнот и торопливо его перелистала. – Где вся книга?

– Я не знаю, – ответил Уоррен.

– Ты знаешь! – закричала Аннаконда. – Это доказательство, то самое, которое я ищу! В стихах упоминается Всевидящее Око, но не сказано, где оно. Об этом написано на других страницах! Они нужны мне, все до единой.

Уоррен попытался рассказать о том, как дневник исчез, едва он повернулся к нему спиной, но Аннаконда твердила одно: он лжет.

– Нет у меня больше ничего! Честное слово! – вскричал Уоррен. – Если б страницы были у меня, я бы вам их отдал!

Аннаконда не желала больше слушать отговорки. Она заставит мальчишку сказать правду! Она сунула руку в карман и вытащила магический зуб. Такая гадость – ничего подобного Уоррен еще не видал. Какая-нибудь гигантская акула могла потерять такой зуб или даже дракон. Аннаконда ткнула острием ему в грудь, едва не проткнув рубашку.

– Этот зуб развяжет тебе язык! – сказала Аннаконда и надавила сильнее. Уоррен задрожал, но не поддался, и Аннаконда увидела, что упрямого племянничка не переубедить. Тогда она спрятала зуб в карман, но разговор еще не был окончен. – Я хочу получить все страницы, Уоррен. Так что давай, соображай, куда они могли подеваться.

– Как я могу ответить, если я не знаю?

– Ну что ж, ночь в бойлерной освежит твою память.

Кровь отхлынула от лица Уоррена.

Из всех изобретенных Аннакондой наказаний это было, несомненно, худшее. Хуже, чем в тот раз, когда она велела ему распутать все узлы в ее мерзкой коллекции украшений. Хуже,

чем когда она заставила его начистить собственной слюной 203 пары ее вонючих туфель. Бойлерная была единственным местом в отеле, где Уоррену взаправду становилось страшно: темное, сырое, тесное помещение, куда ему вовсе не хотелось попасть.

– Шагай! – велела Аннаконда, ухватив Уоррена за ворот, и потащила его вниз по лестнице. Распахнула тяжелую металлическую дверь – ох, как она заскрипела, – и, втокнув Уоррена внутрь, наглухо захлопнула ее. Окруженный со всех сторон темнотой Уоррен услышал, как тетя задвигает засов.

Он замолотил в дверь кулачками:

– Выпустите меня!

– Утром вернусь! – весело отозвалась Аннаконда. – Надеюсь, ты выспишься и память вернется к тебе.

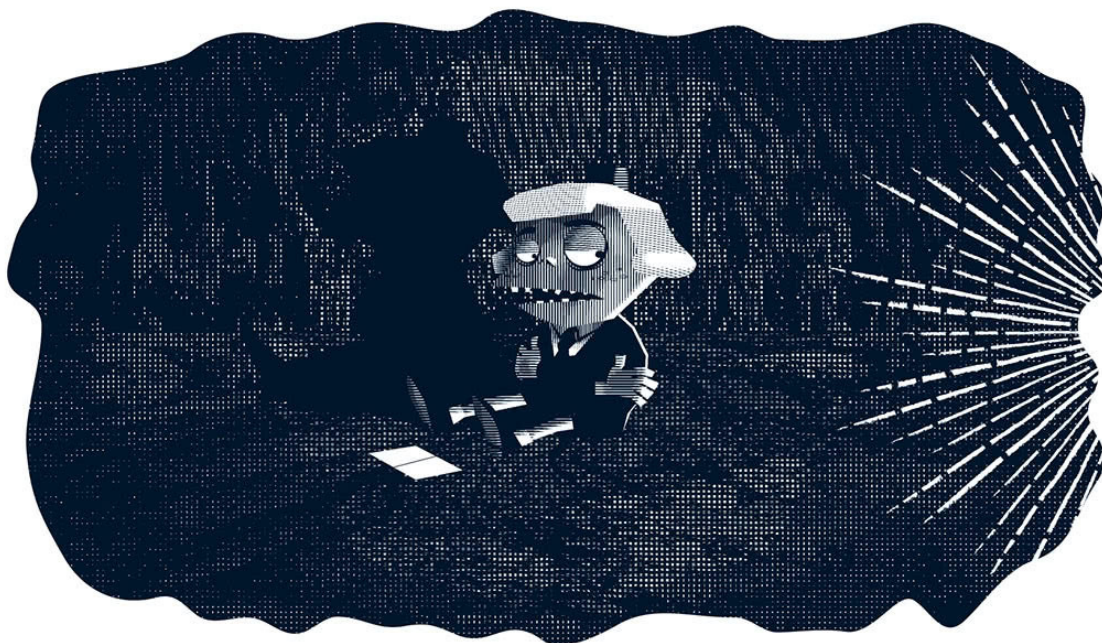
И ее каблуки заклацали, удаляясь.

– Вернитесь! – кричал ей вслед Уоррен. – Не бросайте меня тут!

Он лупил дверь, пока не заболели кулаки, потом пнул ее – толку-то, ушиб палец на ноге. Скорчился на полу, баюкая пострадавшую ногу и вздрагивая от боли.

Совсем один.

Уоррен сел, обхватил руками колени и опустил голову на руки; сердце часто билось от страха и гнева. Долго он так сидел, оцепенев, пока глухой рокот не вынудил его поднять голову. Старый бойлер ожил. Сквозь металлические щели сверкало пламя, бойлерную залил яркий оранжевый свет. Уоррен огляделся по сторонам.

Помещение было тесное и почти пустое, лишь по задней стене и потолку тянулись, переплетаясь, трубы, по которым тепло доставлялось во все уголки отеля. На противоположной стене висели медные колокольчики на шнурах, тоже уходивших в потолок. Уоррен знал: когда-то в подвальных помещениях жили слуги, и постояльцы вызывали их в номер, дергая за шнур колокольчика. Но после того как отец Уоррена установил современное переговорное устройство, колокольчиками пользоваться перестали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.